

Известие сие во-первых я даю,
Что авторство мое за деньги продаю:
Копейка мадригал, с полушкой эпиграмма,
Три денежки рондо, а пять копеек драма,
Елегия алтын, пять денежек сонет.
Идиллия хоть грош, полушка за билет.

(л 22)

Выступление Новикова не осталось не замеченным Чулковым. Ответом явилось письмо корреспондента «Парнасского щепетильника», некоего И. Л. Этот автор, поклонник и подписчик чулковских изданий, живущий на берегах Днепра, неожиданно проявил хорошее знакомство с сатирической журналистикой и литературными распрями. Письмо наполнено похвалами как в адрес «И то и сьо», так и «Щепетильника», где «все исполнено хорошим, разумным, полезным и замысловатым». И. Л. уверен в действенной силе сатирических нападок Чулкова на дурных стихотворцев, уверен, что они «пообсекут крылья» стихосбордам, которые «не смысла ни уха, ни рыла и намаравши несколько, хуже еще сочиненных королем Нумою и певаемых салических жрецами стихов, стремясь вскарабкаться на Парнас и самовластно обладать оным, называя все правила совершенного стихотворения ученым вздором, пустотою и враками, причиняющими излишнее лишь и совсем не надобное затруднение» (ПЩ, с. 275).

Сообщив об успехе журнала в провинции, автор письма советует Чулкову не обращать внимания на «зоилов»: «Что же принадлежит до глухих ругателей, то советую вам больше презирать их, нежели не шадя мстить, как таких тварей, которых ученый в Европе муж называет челядью, роющей в ученом обществе навоз» (ПЩ, с. 277). Далее, касаясь своих песен, которые он пересылает для помещения в чулковском песеннике, И.Л. просит поправить их «где надобно», так как не претендует на совершенство своих сочинений: «Не шутка быть совершенным писателем; к тому, как сказывают, потребно довольное учение, острый разум, обильное воображение, здравое рассуждение, хороший вкус, прямое о вещах понятие, а при том и совершенное знание природного языка с нужными правилами грамматики». Подразумевая за Чулковым подобные достоинства и поручая ему редакционную правку, автор добавляет: «Я уже вас обнадеживаю, что не взбешусь» (ПЩ, с. 278).

Чулков вежливо отклонил преувеличенные, почти одические похвалы. Однако за этим обменом любезностями скрывались хорошо понятные современникам злободневные темы.

Перечень качеств, потребных сочинителю, является текстуальным заимствованием соответствующего места из «Пустомели», направленного против сочинителей типа Чулкова. Упомянутый «ученый муж» — это не кто иной, как Вольтер, а афоризм, ему приписанный, был в самом начале 1770 г. процитирован в предисловии к «Энею» В. Петрова. Обрушиваясь здесь на «напосп-